

Н. Ю. Ушницкая

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОХОТНИКА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭВЕНКОВ

Рассматривается актуальная для исследования в современном тунгусоведении проблематика лингвокультурологического описания концептосферы эвенкийского языка. Исследуется концептуализация охотника в языковой картине мира эвенков. Охота, являясь исконным занятием тунгусов, сыграла ключевую роль в формировании их языковой картины мира. Концепт «*Бэюмэкйт/охота*» имеет четко структурированную систему, куда входит: 1) субъект охоты (охотник); 2) объект охоты: копытные и пушные звери; 3) добыча (мясо, шкура зверя); 4) средства и способы охоты; 5) место охоты; 6) дорога, по которой следуют на охоту; 7) сезон охоты; 8) следы зверей; 9) собака – помощник охотника; 10) Дух-хозяин охоты. Являясь базовым элементом в составе концепта «*Бэюмэкйт/охота*», концептуализация охотника характеризуется следующими понятийными признаками: 1) человек; 2) охотящийся (на копытных и пушных зверей); 3) при помощи лука или ружья; 4) с целью пропитания и приобретения шкуры для пошива одежды. Как составная часть концепта «*Бэюмэкйт/охота*» ментальное образование «*Бэюктэмнй/охотник*» содержит в себе понятийный, образный и ценностный компоненты. Данные элементы исследуются на лексикографическом материале и записей аутентичных текстов от носителей языка. Эвенкийский охотник является узнаваемым образом представителей тунгусской культуры, он и составляет культуру своего этноса. Сочетаемость лексических единиц, обозначающих охотника, характеризует не только образные, но и понятийные и ценностные признаки рассматриваемого концепта. Наличие корневых основ, обозначающих охоту и встречающихся во всех тунгусо-маньчжурских языках, свидетельствует об ее исконности у тунгусов.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, эвенкийский язык, охота, охотник.

Введение

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов. Ключевые для эвенкийской языковой картины мира концепты заключены в таких словах, как *омй/душа*, *куту/счастье*, *сиңкэн/охотничья удача*, *маин/судьба*, *мб/дерево*, *урэ/гора*, *бира/река*, *буга/природа*, мир, *бэюмэкйт/охота* и др. В настоящее время начинают разрабатываться исследования в области концептосфер эвенкийского и эвенского языков. Так, Р. П. Кузьмина на материале эвенского языка проанализировала концепты «Стыд и совесть» (2021); Е. В. Мерекина написала диссертацию, посвященную культурным концептам как ядерной части языкового сознания малочисленного народа (этнолингвокультурологическое исследование языка эвенков) (2008); Н. Е. Захарова провела экспериментальное исследование особенностей языкового сознания эвенков-билингвов (на примере концепта человек/бэе/киһи) (2020); Н. Ю. Ушницкая исследовала лингвокультурный концепт «*Бэюмэкйт/охота*» (2021) в языковой картине мира эвенков и др.

В. И. Карасик определяет концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» (Карасик, 2009: 24). Цитируемый автор в структуре концепта выделяет понятийные, образные и ценностные характеристики (Карасик, 2004: 129). Опираясь на методику описания концепта, предложенную В. И. Карасиком, мы ставим целью настоящего исследования – установить понятийную, образную и ценностную составляющие ментального образования «*Бэюктэмнй/охотник*» как составной части концепта «*Бэюмэкйт/охота*» в языковой картине мира эвенков. Проблематика лингвокультурологического исследования концептосферы эвенкийского языка разработана недостаточно, в частности, наблюдается отсутствие описания ключевых компонентов языковой картины мира эвенков, которые формировались под влиянием типов традиционного хозяйствования, материальной и духовной культуры, религии. Реконструкция концептосферы исчезающих языков подразумевает восстановление устаревших и сохранение имеющихся смысловых признаков. Этим вызвана актуальность исследования. Сохранение

концептосферы эвенков является одной из важнейших задач современных лингвистов-эвенковедов. Работ, посвященных подробно лингвокультурологическому исследованию концептуализации охотника в языковой картине мира эвенков, в настоящее время не имеется. Этим объясняется новизна исследования.

Материал и методы исследования

Для исследования понятийной составляющей ментального образования «*Бэюктэмнй/охотник*» в составе концептуальной системы «*Бэюмэкйт/охота*» были рассмотрены материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, эвенкийско-русского словаря А. Н. Мыреевой. Лексические единицы для корпуса исследования были получены методом сплошной выборки: из словарей было отобрано более 250 лексических единиц, с которыми далее был проведен анализ словарных дефиниций.

Для исследования ценностной и образной составляющих концепта были изучены работы Г. М. Василевич, А. Ф. Анисимова, А. Н. Мыреевой, также полевые записи аутентичных текстов, записанных от информантов, хорошо знающих эвенкийский и русский языки: Ю. Ю. Мальчакинов (1960 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край), М. Г. Мальчакинова (1958 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край), С. А. Васильева (1968 г. р., с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область). От информантов было записано 18 текстов, которые были расшифрованы, переведены на русский язык; далее был проведен лингвокультурологический анализ этих текстов.

Обсуждение результатов

Охота является первичным исконным традиционным видом деятельности тунгусов. Эвенки сезонно охотились на копытных и пушных зверей. Целью охоты служило пропитание семьи и рода, приобретение шкур для шитья одежды и покрывал чумов. На сегодня многие группы эвенков сохранили охотничье-кочевой образ жизни, что позволяет им в большей мере сохранить язык и культуру. Охотничья культура представляет собой особую картину мира, которая нашла свое отражение в языке. Она составляет значительный отдельный пласт лексики эвенкийского языка. Концепт «*Бэюмэкйт/охота*» имеет четко структурированную систему, куда входит: 1) субъект охоты (охотник); 2) объект охоты: копытные и пушные звери; 3) добыча (мясо, шкура зверя); 4) средства и способы охоты; 5) место охоты; 6) дорога, по которой следуют на охоту; 7) сезон охоты; 8) следы зверей; 9) собака – помощник охотника; 10) Дух-хозяин охоты. Эвенкийский охотник является узнаваемым образом представителей тунгусской культуры, он и составляет культуру своего этноса. Эвенкийский охотник – носитель языка и культурных ценностей. Согласно лексикографическим данным, охотник в эвенкийском языке обозначается следующим образом: *Бултāми* охотиться. *Бултāмнй* охотник. *Бултамуну*: 1) охотник; 2) охотник-женщина. *Бэйнуэ*: 1) зверь (исключая парнокопытных); 2) волк; медведь; пушнина. *Бэйнуэми* охотиться. *Бэйнуэлэн* хороший охотник на пушного зверя. *Бэйнуэлэн иунакин* – охотничья собака. *Бэйнуэри*: 1) охотник; 2) охотящийся. *Бэюми* охотиться (на копытного зверя). *Бэюктэмнй* охотник. *Бэюлэн* мастер-охотник (на лосей, диких оленей). *Бэюн*: 1) дикий олень; 2) копытный зверь. *Вāми* убить. *Вāлйн*; *вāмāн* хороший охотник. *Гарпамнй* стрелять из лука; стрелять из ружья; *Гарпалан* меткий стрелок. *Пэктыруми* стрелять неоднократно (из ружья). *Пэктырэлэн* хороший стрелок из ружья. *Удяктами* преследовать, гоняться по следам; выслеживать. *Удякталан*; *удяктамнй*; *сагды удякталан* старый следопыт. *Улукй* белка. *Улумймнй* охотник на белку. *Улумйлэн* хороший стрелок на белку» (Мыреева, 2004: 106: 118–119: 122–123: 129: 483: 663:675–676). Приведенные дефиниции дают возможность

выделить следующие смысловые признаки исследуемого ментального образования как части концептуальной системы «*Бэ́ймэ́йт/охота*»: 1) человек; 2) охотящийся (на копытных и пушных зверей); 3) при помощи лука или ружья; 4) с целью пропитания и приобретения шкуры для пошива одежды и покрывал для чума. Лексемы, обозначающие охотника, стрелка, следопыта, происходят от глагольных основ и суффиксов, при помощи которого образуются имена существительные со значением деятеля (-*мни*) и мастера, знатока своего дела (-*лан* (-*лэн*, -*лон*)): *бултáмнй* (от *булта-* ‘охотиться’), *бэйнуэлэн* (от ‘*бэйнуэми* охотиться на пушного зверя’), *бэ́йтэмнй* (от *бэйми* ‘охотиться на копытного зверя’), *бэйлэн* (от *бэйми*), *вáлан* (от ‘*вáми* убивать’), *гарпалан* (от ‘*гарпами* стрелять из лука’), *пэ́ктырэлэн* (от *пэ́ктырүми* ‘стрелять неоднократно (из ружья)’), *удя́ктамнй* (от *удя́ктами* ‘преследовать’). Охотник может характеризоваться как отменный стрелок: *на́лан* (от *на́-* ‘попасть в цель’ и суффикс -*лан*); *лукй́лэн* (от *лукй́-* ‘стрелять из лука’; *лукй́* ‘деревянная стрела с утолщенным тупым концом (на белку)’ и суффикс -*лэн*); *һо́дэлйн* (от *һо́дэ-* ‘стрелять из ружья’ и суффикс -*лйн*, обозначающий субъекта действия); *му́не* ‘меткий, попадающий в цель’; *то́но* ‘меткий стрелок’; *һамалан* ‘искусный стрелок’ (Мыреева, 2005: 48). В зависимости от объекта охоты охотник именуется *бэйю́де* (от *бэйю́-* ‘охотиться на копытного зверя’ и суффикс -*де*, обозначающий деятеля, вариант суффикса -*мнй*, -*мнү*); *бэ́йтэмнй* (от *бэ́йтэ-* ‘охотиться на копытного зверя’ и суффикс -*мни*); *у́лумй́мнй* ‘охотник на белку’ (от *у́лумй́-* ‘охотиться на белку’); *бэйнуэ́ри* (от *бэйнуэ́-* ‘зверь’ и суффикс -*ри*, образующий отглагольные относительные прилагательные и обозначающий состояние предмета); *му́күмэ́н* ‘охотник на кабаргу’ (от *му́кү* ‘кабарга’ и суффикс -*мэ́н*, образующий отыменные существительные со значением склонности к предмету, выраженному основой) (Мыреева, 2005: 47).

Лексемы, обозначающие процесс охоты, встречаются во всех тунгусо-маньчжурских языках, что свидетельствует о ее исконности. Подтверждением этому служат материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков: *Эвенк. булта* [як.] охота; добыча; *булта-* охотиться; *бултавун* ловушка; *бултакй́т* охота; промысел; *бултамнй* (*бултамнү*) охотник; *бултарй́* период лучшей охоты (ноябрь); *Эвен. булу* [як.] охота; *Ороч., Ульч. бута-* охотиться; рыбачить; *Уд. бута-* заготавливать впрок; *Нан. бота-* рыбачить (неводом); *ботамзи* рыбак; *Ма. бута-* охотиться; рыбачить; наживаться; *бутха* охота; рыболовство; *бутхаси* охотник; *Чж. рй́һ-тй́-лй́* охотиться; *Эвенк. бэйюэ́* зверь; *бэййт-/ч-*; *бэйэдэ́* подкрадываться к зверю; охотиться; *бэйюэ́* зверь; пушной зверь; пушнина; *бэйюэ́-* охотиться (на пушного зверя); *бэйюэ́кй́т/ч* место охоты (на пушного зверя); охота, промысел; *бэйюэ́ксэ́* пушнина; мясо (пушного зверя); *бэйюэлэн* хороший охотник (мастер охоты на пушного зверя); *Эвен. бэйюэт-/ч-* охотиться; *Нег. бэйиннэ́- ~ бэйиннэ́-* охотиться; ловить рыбу; *Ороч. бэйичи-* охотиться; ловить рыбу; *Уд. бэйиси-* подкрадываться; *Ульч. бэйичи-/у- ~ бэйичи-/у-* охотиться; подкрадываться к зверю; *Орок. бэйичи-* охотиться; промышленяль самострелом; *Нан. бэйюэ́* зверь; *бэйичи-* подкрадываться; *Эвенк. бэйю́* охотиться (на копытного зверя); *бэйю́зэ́*; *бэйю́ктэмнй*; *бэйю́мй́мнй*; *бэйю́мй́мнү́* охотник; *бэйю́лэн* мастер-охотник (на копытного зверя); *бэйю́мй́кй́т/ч-* промысел (на копытного зверя); место охоты; *бэйю́мэ́н* собака (на копытного зверя); *бэйю́н* копытный зверь; дикий олень; *бэйю́рдивун* стрела (для охоты на копытного зверя); *Сол. бэйю́ни- бэйэ́* охотник; *Эвен. бэйю́ми* охотиться (на дикого оленя); *Нег. бэйю́ми* охотиться (на лося); *Ороч. бэйю́мэ́-* идти охотиться; (на лося); *Уд. буи ~ буји* зверь; *Ульч. бэйю́лту-/бэйю́лту-* охотиться на медведя; *Орок. бо́ю́лмо-* охотиться на крупного зверя (медведя, оленя осенью); *Нан. бэйю́мэ́си-, бэйю́нту-* охотиться (на лося, изюбря и т. д.) (ССТМЯ, 1975, Т. I: 108: 120–122). Наличие лексемы *булт* в якутском языке следует рассматривать как заимствование из тунгусского языка. Общая корневая основа, обозначающая охоту, имеющаяся во всех тунгусо-маньчжурских языках, подтверждает исконность у тунгусского этноса традиционного типа хозяйствования – охоты. У якутов основным традиционным видом деятельности было скотоводство: разведение конного и рогатого скота. Согласно исследованиям

С. А. Токарева, «...пришельцы (якуты – прим. автора) усвоили очень многое из местной культуры, а многое и создали заново, и развили: так усвоили они рыболовство, охоту, отчасти оленеводство, особую местную форму жилища, ряд местных обычаев, обрядов, верований и пр.» (Токарев, 1940: 15).

Основным орудием охоты был лук со стрелами, позже использовать пасти, ловушки, петли. С приходом русских в Сибирь приобрело актуальность применение ружья. Наименования большинства орудий и способов охоты также являются общими тунгусо-маньчжурскими, о чем свидетельствуют материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков: *Эвенк. бэр* лук (оружие); самострел; ружье; *бэрилту-* быть вооруженным; *бэриу-* изготавливать лук; *бэричй* вооруженный луком; *бэркэ-* насторожить самострел; *бэркэлэһэл* религ. устар. духи несчастья; *бэркэн* самострел; лук (оружие); *Сол., Ма. бэри* лук (оружие); *Эвен. бэркэн* самострел; *Нег. бури* [*ульч.*]; *бэј* лук (оружие); *Ороч., Уд. бэи* лук (оружие); *Ульч., Нан. бури* лук (оружие); *Орок. буриккэ* лук (оружие); *Эвенк., Нег. Нан. гйда* копье; *гйда-* колоть, пронзать копьем; *Сол., Ороч. гйда* копье; *Эвен. гид* копье; *Уд., Ульч., Орок. гйда* копье; *Ма. гйда* копье (с острием на две стороны); *Эвенк. киүлэ; кивлэ; киглэ; киллэ; киунэ* лыжи-голицы (неподбитые мехом); лыжи (подбитые мехом); *киүлэ-; киунэ-* идти на лыжах; *Эвен. киуна* лыжи-голицы; *Нег. киунэ* лыжи-голицы; *Ороч. киуилэ* лыжи-голицы; *Уд. киугилэ* лыжи-голицы; *Ульч., Ороч., Нан. куугилтэ* лыжи-голицы; *Эвенк. орёвун* труба (для охоты на изюбря); *Эвенк. уткэн* тесак на коротком древке, пальма; *Сол. уехэ* нож; *Эвен. өткэн* тесак, пальма; *Эвенк. пичāвун* пищалка (берестяная для подманивания самки кабарги во время охоты); *Эвенк. нэктирёвун* ружье; *Эвенк., Нег., Эвен., Ма. хурка* петля, силок; *Эвенк., хуркат-* промышлять при помощи петель, силков; *Ороч. хукка; хуккучи-* охотиться при помощи петель; *Уд., хука; Ульч. пуча* петля; *Орок. пута* петля; *Нан. пурка* петля (ССТМЯ, 1975, Т. 1: 126: 148: 396: 1977, Т. 2: 23: 39: 46: 294: 353). От корневых основ, обозначающих орудия и способы охоты, образуются глаголы: *бэрилту-* ‘быть вооруженным’, *бэриу-* ‘изготавливать лук’ (от *бэр* ‘лук, ружье’); *гйда-* ‘колоть, пронзать копьем’, *гидала-* ‘метнуть, вонзить копье’ (от *гида* ‘копье’); *киүлэ-* ‘идти на лыжах’ (от *киүлэ* ‘лыжи’); *хуркат-* ‘промышлять при помощи петель, силков’ (от *хурка* ‘петля, силок’). Манки для приманивания кабарги (*пичāвун*) и изюбря (*орёвун*) образовались при помощи глаголов *пича-* ‘свистеть, пищать’; *оре-* ‘кричать, вопить, рычать’ и суффикса *-вун*, обозначающего орудия действия.

Пика (*гйда*) использовалась на ближнем расстоянии в то время, когда раненый зверь бросался на охотника. Обычно таким зверем был медведь. Пальма (*уткэн*) одновременно использовалась в охоте и при расчистке дороги. *Уткэн* мог заменить нож, топор и копье. В настоящее время современные охотники используют в промысле ружье (*нэктирёвун*), капканы для мелких пушных зверей, петли (*хурка*), манок для приманки кабарги (*пичāвун*), манок для приманки изюбря (*орёвун*). *Пичāвун* изготавливается из двух маленьких полосок бересты и используется в летнее время. Охотник подражает пisku теленка кабарги (*пичāдерэн* – пищит), и зверь прибегает на «на зов детеныша». Могут прийти и самка, и самец. Но есть большая вероятность появления и медведя. *Орёвун* используется осенью, в период брачных игр у изюбрей. Охотник ранним утром или вечером выходит на промысел и слушает, где рычит изюбрь (*орёдерэн*). Затем подражает его рычанию через *орёвун*. *Орёвун* изготавливается из бересты.

У всех тунгусоязычных народов, исконным занятием которых была охота, развита лексика, связанная с сезонами года. Охотник выбирает наиболее благоприятное время для охоты на копытных и пушных зверей. Так, в монографии А. Н. Мыреевой «Лексика эвенкийского языка: традиционное хозяйство» отмечены названия сезонов, отражающие время охоты на того или иного зверя: *пентулэсэ* ‘период охоты на изюбря для добывания пантов’ (от *пенту* ‘панты’ и суффикс *-лэсэ*); *урёлаһа* ‘период охоты с трубой на изюбря’ (от *орё-*, *урё-* ‘трубить в звукоподражательную берестяную трубу *орёвун, урёвун* (для приманивания изюбря)’ и суффикс *-лаһа*);

неүмэтлэсэ ‘время охоты на изюбря’; *улумйлэсэнн* ‘период охоты на белку’ (от *улумй*- ‘охотиться на белку’ и суффикс *-лэхэ + нй*); *кэрэмйлэсэнн* ‘период охоты на белку’ (от *кэрэмун* ‘белка’ и суффикс *-лэсэ + нй*); *халганй* ‘период охоты пешком’ (первая половина охотничьего сезона на пушного зверя) (от *халган* ‘нога’ и суффикс *-нй, -лаша + нй*) (Мыреева, 2005: 41). Суффикс *-лаһа* (*-лэхэ, -лоһо*) является фонетическим вариантом *-ласа* (*-лэсэ, -лосо*), *-лаша* (*-лэшэ, -лошо*) и образует отыменные имена со значением времени, периода, указанного в основе слова. Суффикс *-ни* образует отглагольные имена, называющие сезоны, времена года. Так, проанализированный материал позволяет сделать вывод о взаимовлиянии и взаимодействии исследуемого ментального образования с концептуализацией времен года в языковой картине мира эвенков.

Умение отличить следы зверей является одной из ключевых характеристик тунгусского охотника. Для него важно обнаружить след зверя и, следовательно, добыть его. Это нашло свое отражение в языке в виде синонимов, обозначающих свежий след: *һәливкй, калки, елбма, һеркй, иркэкин* (Мыреева, 2005: 50). Судя по материалам сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, этимологию лексемы *һәливки* можно объяснить, как след ‘скрывшегося зверя’: *Эвенк. һәл-* исчезнуть, скрыться с глаз; *һәливкй* исчезнувший, скрывшийся (ССТМЯ, 1975, Т. 1: 312). Охотник легко определяет, в какое время прошел зверь: *эйтмэр* ‘недавний, свежий (о следах)’; *эсйкэпты* ‘сегодняшний (о следе)’; *нэда* ‘незамерзший, недавний след зверя’ (Мыреева, 2005). Охотник различает летние следы зверя: *силэгимнэ* ‘след зверя (на траве после испарения росы)’. А также следы определенных зверей: *улумкувун* ‘незамерзший след белки’ (от *улукй* ‘белка’); *макчандяк* ‘следы белки во время гона’ (от глагола *макчанми* ‘прыгать, широко расставляя задние ноги’); *такала* ‘след медведя’ (от глагола *таками* ‘испачкать, помазать’); *түмнэк* ‘медвежья тропа’ (букв. ‘место, где наступают ногами’) (от глагола *түми* ‘ступить, наступить’) (Мыреева, 2005). Рассмотренный лексикографический материал и данные указанной монографии А. Н. Мыреевой позволяют охарактеризовать эвенкийского охотника как отменного следопыта.

Для выявления образной составляющей рассматриваемого ментального образования «*Бэюктэмнй/охотник*» в составе концепта «*Бэюмэкйт/охота*» исследовались сочетаемостные характеристики имени этого ментального образования. Проанализировав аутентичные тексты, записанные от носителей языка, мы обнаруживаем, что сочетаемость лексических единиц, обозначающих охотника, характеризует не только образные, но и понятийные и ценностные признаки рассматриваемого концепта.

Прежде всего охотник является кормильцем семьи: «*Бултәмнй мутнй улймнү бэе, этән бултәра экуна-да, бү демудерйдеһун, куһакәр демудерйдеһатын* – Охотник наш кормилец, если ничего не добудет, мы останемся голодными, дети будут голодать» (Светлана Абрамовна Васильева).

Охотник обладает скромностью, отсутствием хвастливости: «*Бултәмнү мәнэк эпкй түрәттэ эвәнкйлдү, һокатта эпкй, мәнэк түрәттэ эпкй, аракүкән һурупкй-да бултәнапкй. Тар негүпкй нуһандү экуна-вал* – Охотник много не говорит, не хвастается, тихо уходит на охоту. И что-нибудь дух-хозяин охоты ему даст (Мира Григорьевна Мальчакидова).

Информанты подчеркивают такие качества охотника, как силу, выносливость, быстроту и ловкость. Сообщается и об особенностях охоты с собакой: «*Бултәмнү олус энэй һэ бидән һада. Бэюкүрва һада давадяна аһактада. Тадук андагйкүрва һән аһакталиккйл һинакирди конудү аһнатчанал. Бултәдяри бэе олус горое үнэпкй тыргимән. Тымәтнэ депчәүн, инэүивэ үнэпкй: тар давадан һада, ады-да һуһа үнэпкй, тар аһадяна бэйбрэ, андагйва удыктадяна. Һинакин аһалкучипкй, тара нуһан һән амардүкин, гороликкй. Куһкидан һада тар дөлолдулә, иһәнэдү угдүһинипкй андагй, тара тар долбонйва тәдү нүнйпкэндяна куһкидяна бидедеһән. Һән тар аһнаттан һән иһиндү* – Охотник очень должен быть сильным. Диких оленей нужно,

пройдя через горные перевалы, достичь по следу. Соболя также они выслеживают по следу с собакой, ночуя в тайге. Охотник много пешком проходит по тайге. Утром проснется, поест и на весь день уходит: переходит через перевалы, преследуя диких оленей, соболя. Собака по следу погонит, и он позади далеко уходит. Соболя, спрятавшегося среди камня, нужно ему добыть, и целую ночь он выкуривает его с ямы. Вот приходится ему ночевать среди холода (Мира Григорьевна Мальчакитова).

Тунгусский охотник способен чувствовать, в каких местах обитает зверь и сколько его: *Тар бэйһэвэ бакапкыл нуһартын. Идү бидеһэн, тыкэ мэдүчэдепкыл. Умукэн, ады-да бидеһэн кэргэнтил. Тар һурупкыл, бултāнапкыл* – Зверей они (охотники) находят. Где проживают, они (охотники) чувствуют. Один или сколько семей на одном месте обитает» (Светлана Абрамовна Васильева).

В целях пропитания охотятся на дикого оленя, лося, изюбря, иногда на медведя: *«Дептэвэр бултапкыл бэйһэмэ, коһнокувэ, кумакалва, амйкāнма, һадыдун* – Для пропитания добывают дикого оленя, лося, изюбря, медведя иногда» (Светлана Абрамовна Васильева).

Тунгусский охотник хорошо знает повадки, пищу и следы зверей: *«Бултāмнй аят сāдерй бэе дүннэвэ бидэвэ, бэйһэлвэ бутуннүлва, удалятын, дебгэлвэтын* – Охотник хорошо знает жизнь в тайге, зверей, их следы, пищу и много чего еще знает» (Светлана Абрамовна Васильева).

Реципиенты информируют о природных факторах, играющих важную роль для охоты. Так, эвенки охотятся на пушных и копытных зверей в снежное время: *«Һурудон тар бултāмнй нāда ая инэһй бидэһ, иманадāн нāда. Андагйла һурупкй, иманаракин удакалин ичэвуликкыл* – Прежде чем идти на охоту, должен быть хороший день, нужно, чтобы выпал снег. Охотник пойдет охотиться на соболя и ему будут хорошо видны следы соболя на снегу (Светлана Абрамовна Васильева). Во время пурги охотнику удобней подкрасться к дикому оленю, изюбрю. В это время бывает много различных звуков и шума, что позволяет охотнику подойти к зверю на близкое расстояние: *«Бэйлтыкй нāда һүнүэрй инэһй бидэһ, тоготчодотын бэйһнил, кумаканил, дэрюмкичэдэдэһ-кэ. Тарилва бкин тоготчопкй нāда бултāмнй мэдэдэһ* – Во время пурги нужно охотиться копытного зверя, в то время, когда дикие олени, изюбри отдыхают. И охотник должен заметить пока они лежат (Светлана Абрамовна Васильева).

Тексты информантов сообщают об охоте на медведя в берлоге. Он является для эвенков тотемным животным, поэтому его особо почитали. При его номинации используется родственная терминология (*амйкāн* дедушка), эвфемизмы (*коһнорйн* черный): *Коһнорйла һурупкыл, тар мутнй прапрапредок, мутнй прародитель, амйкāн гуниккыл, эчэ. Анһанйтыкин талā эпкыл нэнэктэрэ. Умнэкэн нāда нэнэдэ коһнорйнма бултāда. Мэнэк эпкыл нуһанман бултāра. Дептэвэр тар бултāпкыл* – К медведю (в берлогу) идут, это наш прапрапредок, наш прародитель, дедушка его называют. Каждый год туда не ходят. Один раз нужно сходить к нему на охоту. Постоянно на него не охотятся. Только для пропитания него охотятся» (Светлана Абрамовна Васильева). Наличие таких высказываний может служить подтверждением культа медведя в культуре эвенков. Об этом культе писали ученые А. Ф. Анисимов (1958), Г. М. Василевич (1971), Е. И. Титов (2009) и др. По мнению охотников, медведь похож на человека. К его туше относились с особым почтением. Некоторые эвенки до сих пор продолжают традицию хоронить медвежьи кости на срубках. Так, в текстах информантов мы можем наблюдать частичное описание традиции медвежьего ритуала, приготовления блюда из медвежьих внутренностей и мяса: *«Амйкāнма эвэнкыл гуниккитын «бэеһэчин». Кэйникитын мутни амтылты. Тар кейми нуһанман, тара аямамат караипкыл. Эвэнкыл эукитын гирамналван нбдур, дэлкэндү эрэгэр умунупкэтчэпкыл. Тар кейми чэрүлйкэн нуһанман бңкитын тар амйкāнма. Гирамналван олок эңкитын токторо сукэт, дялалалдулйн мйнэһкитын. Тар гирамналван һинакирдү эпкыл бүрэ. Аямамат нуһанман ирйңкитын, тадук этэлвэн, нэванман, уллэвэн тавдиунатын тадук котот аямаман минэпкыл,*

тадук имүрэнмэн талā ункуммён. Тара тэкэмин эвэнкйл гунипкйл. Тар тэкэминмэ депилиммён. Кёипкил амйкәнма, эрэгэр эвэнкйл тэкэминмэ бжкитын. Эр олус ая дебгэ, ала-да. Тадук бэе умнэкэн депикй, нунан сэнёргупки, горокүра нэнэктэпкй, эпкй дэрурэ, эпкй сймкйтчами. Эткэн-дэ мут һадьлдүн бжнарап – Эвенки на медведя говорят «подобен человеку». Побеждали его наши предки. Победив, аккуратно его кости складывают. Эвенки не разбрасывают кости зверя, всегда складывают на дэлкэн – настил на сваях. Победив медведя, молча разделяли его тушу. Кости его ни в коем случае топором не разрубали, а разрезали по суставам. Кости нельзя собакам давать. Хорошо отваривали его мясо. Затем собирали отваренные легкие, сердце, мясо и мелко ножом нарезали. Затем туда заливали его жир. Это блюдо называется тэкэмин. После едят тэкэмин. После добычи медведя эвенки постоянно готовили тэкэмин. Это очень полезное и вкусное блюдо. После приема этого блюда человек становится полон энергии, много может пройти пешком, не устает, не кашляет. Мы и сейчас иногда делаем это блюдо (Юрий Юрьевич Мальчаков). Обратим внимание, респондент не использует по отношению к медведю глагол «вāми – убить», а заменяет его другим «кёими – победить», тем самым подчеркивая уважительное отношение к этому зверю.

У эвенков имеется множество охотничьих запретов (одё), связанных с тушей добытого зверя: Эүнэрэ бэйңэ гирамналван дуннэду нодактара – дэлкэнду нэври – Нельзя кости зверя (добытого) по земле раскидывать – на лабаз кладутся (на лабазе хоронятся); Эүнэрэ нодара дуннэду бэйңэ иктэлбэн – этэн вавра – Нельзя выбрасывать на землю зубы зверя – перестанет попадаться как добыча; Эүнэрэ бэйон гирамналван нодара, энэ чанмира. Бэйон маядицан – Нельзя кости копытного выбрасывать, не расколов и съев костный мозг. Копытный зверь перестанет попадаться тебе (добытого зверя человек был обязан использовать полностью, не пренебрегая никакой его частью. Обязательно следовало расколоть кости и употребить в пищу костный мозг зверя. То есть не следует небрежно относиться к добываемой пище и добываемому зверю, а с благодарностью употребить в пищу все его части, вплоть до костного мозга. Смысл этого одё сравним с принятым у русских обычаем: не выбрасывать оставшиеся куски хлеба, бережно и с уважением относиться к хлебу) и др. (Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области, 2009: 559).

Эвенкийская женщина окружена многими запретами, касаемо охоты. Г. М. Василевич отмечает некоторые охотничьи запреты, относящиеся к женщине. «Женщинам запрещалось перешагивать через одежду мужа, через его посуду, через тропу охотника, через подстилку, на которой свеживали зверя. Во время месячных женщина не имела права свеживать зверя, снимать шкуру с головы и есть его мясо, чтобы не лишить мужа удачи на охоте» (Василевич, 1969: 167). Так, информант продемонстрировал запрет в отношении жены охотника: Аһй атыркәнин этэн ичэттэ, бн үддерэн-кэ, һурудерэн, бултәнадерэн, эпкй ичэттэ. Аһй ичэтчәпкй, нунанман каипкй тар һокторбнмон-ко – Жена не должна смотреть, как уходит муж на охоту, она не смотрит. Если она посмотрит, то она перекроет ему охотничью удачу» (Светлана Абрамовна Васильева). В аутентичных текстах сообщается и о былом мастерстве женщин, как охотников: Аһкүр нән нонон сәл бичэтын. Нән бәеңчин аһй бултәпкй андагйя, улукйя. Эткән ачир таргачйр аһәл, эткән этэчәл аһәл конуду бидеми. Нонон аһәл нулгипкйл бичэтын мёртын, паләткаеви тәлэдиңән мәннин аһй эмукин, бултәпкй нән биукин, уллпкй, упкатъя нэкәңкин конуду аһй нонон – Женщины также раньше ловкие были. Подобно мужчинам, охотились на соболя, белок. Сейчас нет таких женщин, они перестали жить в тайге. В давности женщина сама кочевала, палатку ставила, охотилась, шила, все самостоятельно делала» (Мира Григорьевна Мальчакитова).

Охотник обязательно перед промыслом кормит огонь. Затем производилось окуривание багульником или можжевельником. С дымом уходит все плохое, как сообщают реципиенты: «Тар бултамнү бэе эделйви бултәнара тогоду экуна-вал борйдицан негүдан нүнйпкәнипкй

тэткэлви, эмэгэрвэ дбтүрва, уһилва эдэтын экурди-вар нѳра. Конут нāда нѳдан упкат. Упкат эру һурупкй нуннун. Чэнкирит нунйпкэнипкйл бичэтын – Перед тем, как пойти на промысел, чтобы ему сопутствовала удача, охотник кормит огонь, окуривает свою одежду, седло, подстилку из-под вьюка, узды, чтобы не пахло ничего посторонним. Все должно пахнуть тайгой. Все плохое уходит с дымом. Багульником окуривали (Мира Григорьевна Мальчакитова).

Таким образом, охота, являясь исконным занятием тунгусов, сыграла ключевую роль в формировании их языковой картины мира. Ментальное образование «Бэюктэмнй/охотник» в составе концепта «Бэюмэки/охота» обладает этноспецифическим содержанием, которое отражает одну из доминантных признаков языковой картины мира эвенков. Эвенкийский охотник сочетает в себе умение жить в гармонии с природой и находчивость в выборе вариантов поведения в условиях проживания в лесу. Он является узнаваемым образом представителей своей культуры будучи ее носителем.

На сегодня некоторые эвенки все-таки продолжают вести традиционный охотничье-кочевой образ жизни, и это позволяет им в век современных информационных технологий сохранить исчезающий язык и культуру.

Литература:

- Анисимов А. Ф.** Культ медведя у эвенков // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей (XX век). М.: Северные просторы, 2001. С. 23–32.
- Василевич Г. М.** О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв. / СМАЭ. М., 1971 Т. XXVII. С. 150–169.
- Захарова Н. Е.** Экспериментальное исследование особенностей языкового сознания эвенков-билингвов (на примере концепта человек /бэе/ киһи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. №3. С. 215–219.
- Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Карасик В. И.** Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- Кузьмина Р. П.** Специфика концептуализации стыда и совести в эвенской языковой картине мира // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2021. Т. 23. № 1 (85). С. 247–255.
- Мерекина Е. В.** Культурные концепты как ядерной часть языкового сознания малочисленного народа (этнолингвокультурологическое исследование языка эвенков). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мерекина Екатерина Васильевна; Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2008. 300 с.
- Мыреева А. Н.** Эвенкийско-русский словарь = Эвэды лучады турэрук. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
- Мыреева А. Н.** Лексика эвенкийского языка: традиционное хозяйство. Новосибирск: Наука, 2005. 111 с.
- Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Г. И. Варламова, Р. Е. Мальчакитова; под ред. Г. И. Варламовой. Благовещенск: Зея, 2009. 608 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимол. словарю: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. Т. 1. 1975; Т. 2. 1977.
- Титов Е. И.** Некоторые данные по культу медведя у нижнеангарских тунгусов Киндигирского рода // Из глубины веков... Путешественники, исследователи об эвенках: хрестоматия / сост. Е. Ф. Афанасьева. Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2009.
- Токарев С. А.** Очерк истории якутского народа. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940. 247 с.
- Ушницкая Н. Ю.** Концепт «Бэюмэки/охота в языковой картине мира эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Т. 7. № 3. С. 183–190.

Ушницкая Наталья Юрьевна.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник.

**Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук.**

Ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027.

E-mail: maltak84@mail.ru

Материал поступил в редакцию 4 октября 2022 г.

N. Yu. Ushnitskaya

CONCEPTUALIZATION OF THE HUNTER IN THE LANGUAGE WORLDVIEW OF THE EVENKI

The article deals with the problem of the linguistic and cultural description of the conceptsphere of the Evenki language, which is relevant for research in modern Tungus studies. The conceptualization of the hunter in the linguistic picture of the Evenki is investigated. Hunting, which is an aboriginal occupation of the Tungus, played a key role in the formation of their linguistic picture of the world. The concept “*Beyūmekit*/hunting” has a clearly structured system: 1) the subject of hunting (hunter); 2) the objects of hunting: hoofed and furred animals; 3) prey (meat, animal skin); 4) means and methods of hunting; 5) place of hunting; 6) road used for hunting; 7) hunting season; 8) animal traces; 9) dog – helper of hunter; 10) spirit – master of hunting. Being a basic element within the concept “*Beyūmekit*/hunting”, the conceptualization of the hunter is characterized by the following conceptual features: 1) a man; 2) hunting (hoofed and furred animals); 3) with bow or gun; 4) for the purpose of food and acquisition of hides for clothing. As a component of the concept “*Beyūmekit*/hunting” the mental formation “*Beyūktemni*/hunter” contains conceptual, figurative and value components. These elements are investigated with the usage of lexicographic material and recordings of authentic texts from native speakers. The Evenki hunter is a recognizable image of the representatives of the Tungus culture, and he is the culture of his ethnos. The combination of lexical units denoting the hunter characterizes not only figurative, but also conceptual and value attributes of the concept in question. The presence of root bases denoting hunting and found in all the Tungus-Manchzhurian languages testifies to its primordiality among the Tungus.

Keywords: *language picture of the world, concept, Evenki language, hunting, hunter.*

References:

- Anisimov A. F.** Kul't medvedya u evenkov [Evenki bear cult] // *Narody Krajnego Severa i Dal'nego Vostoka Rossii v trudah issledovatelej (XX vek)*. M.: Severnye prostory, 2001. Pp. 23–32. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** O kul'te medvedya u evenkov [About the cult of the bear among the Evenks] // *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nachale XX vv. / SMAE*. M., 1971. Vol. XXVII. Pp. 150–169. (in Russ.)
- Zaharova N. E.** Eksperimental'noe issledovanie osobennostej yazykovogo soznaniya evenkov-bilingvov (na primere koncepta chelovek /bee/ kihi) [Experimental study of the features of the linguistic consciousness of bilingual Evenks (on the example of the concept man / bee / kihi)] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 215–219. (in Russ.)
- Karasik V. I.** Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse.]. Moskva: Gnozis, 2004. 390 p. (in Russ.)
- Karasik V. I.** Yazykovye klyuchi [language keys.]. M.: Gnozis, 2009. 406 p. (in Russ.)
- Kuz'mina R. P.** Specifika konceptualizacii styda i sovesti v evenskoj yazykovoj kartine mira [The Specificity of the Conceptualization of Shame and Conscience in the Even Linguistic Picture of the World] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. Vol. 23. No. 1 (85). Pp. 247–255. (in Russ.)
- Merekina E. V.** Kul'turnye kontsepty kak yadernaya chast' yazykovogo soznaniya malochislennogo naroda (etnolingvo-kul'turologicheskoe issledovanie yazyka evenkov) [Cultural concepts as the nucleus of minority people consciousness] (ethnological, linguistic and cultural research of the Evenki language): PhD in Philological sci. diss. ; Blagoveshchensk State Pedagogical University. Barnaul. 2008. (in Russ.)
- Myreeva A. N.** Evenkiysko-russkiy slovar' = Evedy-luchady tureruk [Evenk-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2004. 798 p. (in Russ.)
- Myreeva A. N.** Leksika evenkijskogo yazyka: tradicionnoe hozyajstvo [Vocabulary of the Evenki language: traditional economy]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 111 p. (in Russ.)
- Slovar' dzheltulakskogo govora evenkov Amurskoj oblasti [Dictionary of the Dzheltulak dialect of the Evenks of the Amur Region] / B. V. Boldyrev, G. V. Bykova, G. I. Varlamova, R. E. Mal'chakitova; pod red. G. I. Varlamovoj. Blagoveshchensk: Zeya, 2009. 608 p. (in Russ.)
- Tsintsius V. I.** (Ed.). Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: materialy k etimol. Slovarju (SSTMYa) [Comparative dictionary of the Manchu-Tungus languages: Materials to the etymological dictionary]: Vol. 1. 1975; Vol. 1977. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

Titov E. I. Nekotorye dannye po kul'tu medvedya u nizhneangarskih tungusov Kindigirskogo roda [Some data on the bear cult among the Lower Angara Tungus of the Kindigir clan] // Iz glubiny vekov... Puteshestvenniki, issledovateli ob evenkah: hrestomatiya / sost. E. F. Afanas'eva. Ulan-Ude: Izdatel'stvo "Belig", 2009. (in Russ.)

Tokarev S. A. Ocherk istorii yakutskogo Naroda [Essay on the history of the Yakut people]. Moskva: Gos. soc.-ekon. izd., 1940. 247 p. (in Russ.)

Ushnickaya N. Yu. Koncept "Beyumekit/ohota" v yazykovej kartine mira evenkov [The concept "Beyumekit/hunting" in the language picture of the world of the Evenks] // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2021. Vol. 7. No. 3. S. 183–190. (in Russ.)

Ushnitskaya Natalia Yurievna.

Candidate of philology, research fellow.

**Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.**

1 Petrovsky st., Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: maltak84@mail.ru